

КОНСТАНТИН БОТТÉ

Прогулка с котом. Сожский хоровод.

Константин Боттё
Прогулка с котом.
Сожский хоровод
Серия «рассказы», книга 4

<https://litres.ru/74082921>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная поездка в белорусский город оборачивается неожиданным приключением, когда на верхней полке поезда «Минск — Гомель» обнаруживается говорящий чёрный кот. Пушистый философ с замашками бывалого экскурсовода берётся провести героя по главным достопримечательностям: дворцово-парковому ансамблю Румянцевых-Паскевичей, Петропавловскому собору, древней усыпальнице и набережной Сожа.

«Прогулка с котом» — это не краеведческий очерк, а увлекательный диалог о том, как память и вымысел переплетаются в истории города, где каждый камень хранит свой заговор против времени. Для тех, кто любит гулять по паркам, слушать легенды и не боится, что история оживёт прямо на скамейке у реки.

Константин Боттё

Прогулка с котом.

Сожский хоровод

Стук колёс поезда «Минск – Гомель» действовал гипнотически. За окном мелькали тёмные силуэты белорусских лесов, пассажиры в купе давно спали, а я всё никак не мог закрыть глаза, перелистывая на планшете путеводитель по Гомельщине.

Внезапно верхняя полка, где до этого мирно лежал скрученный матрас, тихонько зашуршала. Оттуда, сладко потягиваясь, свесилась пушистая черная морда с янтарными глазами.

— Ну и тоска, — зевнул кот, ловко спрыгивая прямо на мой столик, чудом не перевернув стакан в железном подстаканнике. — Три часа пути, а ты до сих пор не отрываешься от этих своих сухих цифр. Площадь парка, метры над уровнем моря... Тьфу! Тебе не путеводитель читать надо, а валидол пить от такой скуки.

Я даже не вздрогнул. Когда этот черный философ сопровождал тебя сначала по итальянским городам, а потом по подвалам Несвижа, перестаёшь удивляться его внезапным появлениям.

— Ты как сюда попал? — шёпотом спросил я, косясь на

закрытую дверь купе. — У тебя хотя бы билет есть? Проводница проверяла вагоны двадцать минут назад.

— Билет? Мне? — кот оскорблённо фыркнул. — Скажи ещё, что мне нужен паспорт и ветеринарная справка. Я путешествую зайцем по праву рождения. И вообще, скажи спасибо, что я решил составить тебе компанию. Гомель — город непростой. Там на каждом шагу тайны, а ты без меня опять перепутаешь классицизм с барокко и решишь, что Паскевич — это сорт гомельского пива.

— Паскевич — это фельдмаршал, — буркнул я. — И я прекрасно знаю историю.

— Знаешь ты даты из учебника, — кот пренебрежительно дёрнул хвостом и уставился в тёмное окно, где вдаль уже начали загораться первые далёкие огни гомельских окраин. — А вот усадьба Румянцевых... Там за каждым зеркалом прячется по призраку, а под полами лакеи замуровали такие вещи, от которых у твоих музейщиков очки на лоб полезут. Ладно, собирай свои гаджеты, знаток. Подъезжаем. Тормози карету, шеф, мы выходим на перрон.

Мы вышли на перрон. Гомель встретил нас чистейшим воздухом и невысокими зданиями в стиле сталинского ампира. Вокзал был большим, ухоженным и пах на удивление не мазутом, а липовым цветом. Кот уверенно зашагал мимо шеренги таксистов прямо через площадь.

— И куда мы? — я едва успевал за его черным хвостом, мелькавшим в толпе. — Опять снимем каморку с видом на

глухую стену, как в Вероне?

— Не паникуй, — Кот даже не обернулся, ловко обогнув чемодан какого-то туриста. — Мы идем к парку. Гомель, между прочим, создан для пеших прогулок. Это тебе не Рим, где можно сломать лапы об античную брусчатку. Здесь всё для людей. Ну, и для приличных кошачьих.

— Гомель старше Москвы? — спросил я, когда мы вышли на широкий, залитый солнцем проспект Ленина.

— Почти ровесник, — Кот остановился у витрины кофейни, вальяжно поправил воображаемые манжеты и посмотрел на свое отражение. — Первое упоминание — 1142 год, Ипатьевская летопись. На пять лет раньше первопрестольной. Тогда город входил в Черниговское княжество. Спокойно пожить ему, правда, не дали. Жгли все, кому не лень: литовцы, поляки, шведы, казаки... Город переходил из рук в руки, как мелкая монета в венецианском порту.

— И когда наступил хэппи-энд?

— Когда за дело взялась женщина с хорошим вкусом. Екатерина Вторая отжала эти земли у Речи Посполитой и подарила фельдмаршалу Петру Румянцеву-Задунайскому. Задунайский, к слову, воевать умел, но и в усадьбах толк знал.

Мы шли под тенью каштанов. Кот периодически останавливался и указывал лапой на нарядные двухэтажные особняки из красного и охристого кирпича.

— Смотри, какая кладка. Это тебе не штукатурка, которая в Питере отваливается от каждого чиха. Купеческие до-

ма, девятнадцатый век. В Гомеле заправляли миллионеры из старообрядцев. Торговали лесом, солью, спичками. Настолько суровые и богатые люди, что могли себе позволить плевать на столичную моду и строить так, как им нравится.

На площади Ленина Кот резко затормозил перед массивными коваными воротами.

— Но забудь про купцов. Главное блюдо – дворцово-парковый ансамбль. Считай, что это наш персональный Версаль, только без толп китайских туристов с селфи-палками. Смотри.

За вековыми деревьями показался золотой купол, безупречная белая колоннада дворца, а за ними – огромный, тенистый парк, уходящий уступами вниз, к полуденному блеску реки Сож. На парапете сидела жирная рыжая белка и демонстративно грызла орех.

Кот сузил глаза и прошипел:

— Опять эти хвостатые попрошайки. Ведут себя так, будто это они помогли выиграть Румянцеву русско-турецкую войну. Пошли, покажу тебе лебяжий пруд. Там, в отличие от Падуи, мошकारа не кусается.

Дворец предстал перед нами во всем своем монументальном величии, подавляя масштабом и ослепляя безупречной белизной колоннад. Не подавляющий своими масштабами, как Зимний, но бесконечно изящный: солнечно-жёлтый с белым, увенчанный куполом, с классическим портиком, колоннами и парадной лестницей.

Кот со вкусом почесал спину о мраморный парапет и зажмурился от удовольствия.

— Одобряю, — мурлыкнул он. — Строили в конце восемнадцатого века для графа Румянцева-Задунайского. Того самого, что крушил турок. Архитектор — Иван Старов. Да-да, твой питерский любимчик, построивший Таврический дворец. Но если в Петербурге он заигрывал с имперским размахом, то здесь вдохновлялся строгими римскими виллами. А парк вокруг, заметь, чистейший английский стиль. Румянцев жил здесь до старости. А потом усадьба перешла к фельдмаршалу Ивану Паскевичу, который воевал на Кавказе.

— А где они похоронены? — я огляделся по сторонам, высматривая шпили собора. — В гробнице под Петропавловским собором?

Кот снисходительно вздохнул и пригладил усы черной лапой:

— Путаешь грешное с праведным, друг мой. Сам великий фельдмаршал Румянцев-Задунайский упокоился в Киеве, в лавре. А вот его старший сын, канцлер граф Николай Румянцев, любил Гомель до беспамятства. Именно он построил собор Петра и Павла. И когда граф умер в Петербурге, его, согласно завещанию, везли через пол-империи сюда, чтобы похоронить в левом приделе храма. Там до сих пор стоит его бронзовый бюст. А вот Паскевичи лежат отдельно — в шикарной подземной усыпальнице рядом с собором.

— Значит, сначала к Румянцеву в собор?

— Нет, сначала – дворец, — отрезал Кот. — Музей сам себя не посмотрит. Идём.

— Фёдор Паскевич, — кот показал лапой на портрет седого мужчины в мундире. — Последний владелец дворца. Сын фельдмаршала Ивана Паскевича.

Он зажмурился и трагически вздохнул:

— Говорят, он подчистую промотал семейное состояние, проиграл в карты всё золото, тайно распродал коллекцию картин и умер на вокзале в полной нищете...

— Погоди, — перебил я, вспомнив путеводитель. — Какой вокзал? Фёдор Иванович был богатейшим человеком, почётным гражданином Гомеля! Они с женой Ириной тут половину города построили – больницы, школы, водопровод. И похоронен он в усыпальнице в парке со всеми почестями.

Кот недовольно дёрнул ухом, ничуть не смутившись.

— Ну ладно, ладно, поймал. Это я его с кузенком Николаем перепутал, тот ещё был гуляка. А Фёдор Иванович действительно был занудно добропорядочным и богатым. Но легенда про призрак-то осталась! Дух князя, видать, от скуки в усыпальнице иногда заходит сюда по ночам. Привычка – штука сильная. Встанет у стола, постучит кием по паркету и вздыхает о своих миллионах: «Эх, не туда поставил...»

Я огляделся по сторонам, разглядывая потертые зелёные обои, а потом недоверчиво посмотрел на массивные ножки

стола.

— Погоди. Но ведь в путеводителях пишут, что оригинальная бильярдная Паскевичей была в северном крыле, да и сгорело тут почти всё в девятнадцатом году. Откуда здесь этот стол?

Кот лениво лизнул лапу и прищурился.

— Меньше верь путеводителям. Северное крыло – это для официальной хроники. А этот стол... скажем так, его собрали из обломков старой мебели в закрытых запасниках. А стены я сам попросил музейщиков в зелёный выкрасить. Для аутентичности. Призракам так привычнее ориентироваться в пространстве, когда они из усыпальницы проведать усадьбу приходят.

Кот прыгнул с бильярдного стола, бесшумно приземлившись на лапы, и головой толкнул высокую двустворчатую дверь в стене.

Мы вышли из полумрака бильярдной и зажмурились от яркого света. Перед нами открылся просторный зал с длинным столом, накрытым белой скатертью, с фарфором и хрусталём. На стенах висели торжественные портреты в золочёных рамах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.